

АРКТИЧЕСКИЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

Monica Kristensen

EKSPEDISJONEN

FORLAGET PRESS

Моника Кристенсен

ЭКСПЕДИЦИЯ

Paulsen

2018

УДК 821.113.5
ББК 84.4(Норв)
К825

Перевод с норвежского *Катарины Мурадян*

Перевод с норвежского осуществлён при
финансовой поддержке фонда NORLA
This translation has been published
with financial support of NORLA

Кристенсен М.

К825 Экспедиция: пер. с норв. Катарины Мурадян. – М.:
Паулсен, 2018. – 432 с.
ISBN 978-5-98797-191-8

Экспедиция к Северному полюсу окажется на грани срыва из-за непонятого заболевания среди людей и собак. Когда спасательный вертолёт наконец прибывает, руководитель категорически отказывается вернуться обратно на Шпицберген. Опытный полицейский Кнут Фьель, заподозрив неладное, остаётся в лагере полярников, чтобы вместе с ними идти на полюс. Запутанные и трагические события приведут к ужасным последствиям. Но кто в этом виноват? Как и в трёх предыдущих книгах Моники Кристенсен, интуиция и опыт не подведут шпицбергенского полицейского Фьеля. Книга получила много откликов в прессе как в Норвегии, так и в других странах.

© Паулсен, 2018
© Monica Kristensen and Forlaget Press,
Oslo 2014
Published by agreement with Copenhagen
Literary Agency ApS, Copenhagen

ISBN 978-5-98797-191-8 (рус.)
ISBN 978-82-7547-792-5 (норв.)

*Сердце внушает отвагу и дерзость
безмерную. Но страхом объята душа.*

Роберт Фрост. «Маска милосердия»

ПРОЛОГ

Медведь

В глубинах самого одинокого из всех океанов, в недрах самой суровой, самой мрачной зимы теплится жизнь.

У него свой особый маршрут – он продвигается между торосами высотой с башню. И где-то раздаётся приглушённый всплеск полыньи. Тень скользит по снегу. Тяжеловесный и опасный, он терпеливо выслеживает свою очередную жертву.

Белый медведь, с жёлтым мехом, весь в рубцах и шрамах, старый самец, на самом пике тёмной полярной ночи забрёл далеко на север. Нынешней весной морской лёд начал таять непривычно рано, оторвавшись от Квитойа*, необитаемого пятнышка к северо-востоку от Шпицбергена**. Белый медведь всё

---

* Остров Квитойа (Белый остров) – часть территории Северо-Восточного заповедника Шпицбергена, почти полностью покрыт льдом. (Здесь и далее прим. пер.)

** Шпицберген (или Свальбард) – обширный полярный архипелаг, расположенный в Северном Ледовитом океане, между 76°26' и 80°50' северной широты и 10° и 32° восточной долготы. Самая северная часть Норвегии. Административный центр – город Лонгйер (Лонгйир).

лето напролёт бродит вдоль побережья и не может ничего найти, кроме птичьих яиц и морских водорослей, чтобы насытить своё мощное и тяжёлое тело.

Когда наступает зима, медведь снова устремляется к северу. Теперь он кочует по морскому льду только с одной-единственной целью – раздобыть какой-нибудь прокорм. В кои-то веки ему неожиданно повезло. Он увидел следы – они появлялись то там, то сям и исчезали в снегу. Медведь долго и терпеливо шёл по ним. Наконец-то он нашёл нужное, разворошил снег и обнаружил экскременты, замороженные, но вполне съедобные. Время от времени он приседал, чтобы набраться сил, но упорно брёл вдоль обнаруженных следов. Он опустил голову, защищаясь от порывов встречного ветра, преодолевая милю за милей, с трудом передвигая лапы.

В снегопад, в лютый мороз и в зимнюю тьму. И так всё дальше и дальше на север.

Самый студёный месяц в году на Северном Ледовитом океане – март, когда начинает возвращаться свет. Снег хрустит от холода. От открытой воды серыми облаками медленно поднимается пар. В ясные ночи высоко надо льдом светят луна и звёзды.

А северное сияние переливается в небесах.

Медведь постоянно теряет в весе. Кожа под животом висит и раскачивается от каждого шага. Голод вгрызается в пустой желудок как живая кры-

са. Проходят недели, и приближается весна. Далеко на горизонте зажигается свет, он с каждым днём поднимается всё выше в небеса.

И вот в один прекрасный день они появляются в поле зрения – палатки, ящики, люди и собаки. Белый медведь останавливается. Он долго стоит, прижав лапы друг к другу и настороженно подняв голову. Наконец он отползает за торос и замирает в ожидании.

87-й градус северной широты

На 87-м градусе северной широты ледяное покрывало раскинуто во всех направлениях, насколько видит глаз, вплоть до самого горизонта, там, где лёд исчезает в полоске света. Полыньи и торосы рисуют узкие, сине-чёрные линии – получают затейливые узоры. Над ними висят низкие облака как ковры из светло-серой шерсти. Между этими двумя бесконечностями – небом и морем – летит вертолёт, жужжащая чёрная металлическая машина, удерживаемая на высоте тяжеловесным вихляющим мотором.

На борту четверо мужчин – два пилота, механик авиакомпании «Эйрлифт» и полицейский из администрации губернатора в Лонгиере.

В пассажирском салоне, где сидят полицейский Кнут Фьель и механик, очень жарко. Переговоры по селектору прекратились. Воцаряется мирная, почти идиллическая атмосфера. Кнут проваливается в полудремотное состояние, его голова покачивается в такт движению вертолёта. Ему даже не хочется утруждать себя тем, чтобы подсчитать –

сколько времени прошло с тех пор, как они вылетели из аэропорта. Он просто расслабился и сонно размышляет на случайные, приходящие в голову темы, то и дело засыпая и просыпаясь.

Вертолёт приземлился ближе к немецкому научно-исследовательскому судну «Поларштерн»^{*} севернее Фрамстредет^{**}, чтобы заполнить топливные баки, но посадка оказалась слишком короткой – экипажу не хватило времени даже выпить чашку кофе с командой корабля. Через несколько минут после того, как «Поларштерн» исчез из виду, по правому борту показался остров Датский^{***}.

Вскоре после этого они уже могли разглядеть крошечный остров Моффен, известный тем, что тут собирались последние огромные стада моржей на Шпицбергене. Впрочем, сегодня их не было видно. Под ними вообще ничего не было видно, кроме сплошного льда.

Вертолёт направлялся к последней обозначенной стоянке палаточного лагеря одной из норвежских экспедиций на Северный полюс – это была маленькая точка в белой ледяной пустыне. К ним по-

---

^{*} «Поларштерн» («Полярная звезда») – немецкое научно-исследовательское судно, ледокол Института полярных и морских исследований имени Альфреда Вегенера в Бремерхафене.

^{**} Район Фрамстредет находится между архипелагом Шпицберген и Гренландией, между 77° и 81° с. ш.

^{***} Датский – один из островов архипелага Шпицберген, расположенный к северо-западу от Западного Шпицбергена, около фьорда Магдалена.

ступил экстренный вызов со спутникового телефона – экспедиции потребовалась помощь. Вообще-то, с позиции губернатора, полёты далеко за пределы Шпицбергена считались слишком дорогостоящими, выходящими за рамки бюджета, но сообщение о вторжении агрессивного белого медведя на территорию лагеря нельзя было оставлять без внимания.

Обычно, когда присутствие белого медведя становится угрожающим, полицейский и служащий экологического департамента администрации губернатора приезжают на место, чтобы оценить ситуацию. Но на сей раз эколог только-только приехал на Шпицберген, а из всех офицеров полиции самым опытным считался Кнут. И по всему выходило, что ему придётся действовать в одиночку.

– Воспринимай это как счастливый шанс продвинуться на север намного дальше, чем обычно, – сказал начальник полиции Том Андреассен, который подвёз Кнута к вертолётному ангару. – Собственно говоря, тебе нужно лишь отпугнуть медведя. Наша обычная задача.

Кнут ничего ему не ответил. Эти слова он уже слышал раньше, и много раз.

Команду спасателей больше всего тревожило то, что экспедиция, указывая координаты своего месторасположения, могла ошибиться. А искать крошечные палатки в этой ледовой пустыне без конца и края – всё равно что искать иголку в стоге сена.

Кнут считал, что, по крайней мере, есть смысл ориентироваться на то самое место, откуда доносился сигнал. Хотя никакой уверенности в том, что им будет сопутствовать удача, нет. Морской лёд находится в постоянном движении. Льдина, на которой располагалась экспедиция, могла и сместиться на много километров в течение прошедших после вызова суток.

За долгое время поисков мимо них скользили льды – и никакого следа от экспедиции. Никто из них, тех, кто находился на борту вертолётa, ничего не сказал, хотя всех тревожило одно и то же обстоятельство. Топлива в вертолётe хватило бы не более чем на несколько коротких раундов разведки. Ясно, что им следовало поворачивать назад. Последнее, что пытался сделать командир экипажа, это совершить ещё пару-тройку кругов над обозначенной позицией. Все сидели как вкопанные и напряжённо разглядывали торосы и полыньи, тени и узоры. В последнем из них зоркие глаза механика сквозь отверстие в облаках разглядели палатку.

Лагерь представлял собой жалкое зрелище. Уже с высоты нескольких сотен метров Кнуту удалось понять, что ситуация там, на льдине, сложилась критическая. Одна из палаток стояла вертикально, другая завалилась набок. Ткань трепетала на ветру, словно ветошь. Самих полярников не было видно.

Они, вероятно, все вместе находились в той палатке, которая пока ещё устояла под напором ветра. Её конус едва угадывался за высоким торосом.

Кнут наклонился вперёд и всматривался вдаль, но смог разглядеть только одни из двух саней, с которыми экспедиция начинала свой маршрут. Чуть поодаль лежали собаки, в упряжке, вытянувшейся по льду. Они не двигались, лежали как тёмные комки на снегу и не обнаруживали никаких признаков жизни. Собаки всегда бурно реагируют на грохот мотора – вскакивают и бегут с громким лаем.

Кнут взял бинокль, его взгляд скользил взад и вперёд по местности. Обычно разглядеть белых медведей с высоты не так уж и сложно. Огромные звери имеют пожелтевший окрас, который резко контрастирует с ослепительно белым снегом. Видимость была хорошая, хотя облака висели низко. Можно было бы разглядеть даже следы зверя. Но никаких медведей или их характерных следов не наблюдалось.

Командир экипажа сообщил по радио на Шпицберген: они обнаружили местонахождение экспедиции и совершают облёт лагеря в последний раз – с целью найти подходящее место для посадки.

Он посадил вертолёт на некотором расстоянии от палатки – очень бережно и осторожно, так, словно боялся разбить яйца в корзинке. Первым из вертолёта вышел механик, он закрыл за собой дверь в пассажирскую кабину, осторожно сделал круг по льду

и присмотрелся к полыньям и трещинам. Только через несколько минут он дал сигнал пилотам, что место для посадки выглядит надёжно. Мотор постепенно сбрасывал скорость и в конце концов полностью заглох. Теперь можно спокойно спускаться на льдину.

Кнут выполз из пассажирской кабины, немного размялся и огляделся вокруг. После шума вертолётта тишина буквально оглушала. Ледяные равнины и длинные синие тени простирались до самого горизонта. Очень непривычное ощущение – оказаться здесь, на льдине, посреди Северного Ледовитого океана. Он почувствовал себя крошечной точкой. Никаких признаков жизни, никаких движений или звуков. Только ветер, который накидал целый сугроб снега к его ботинкам. Никто из участников экспедиции не вылезает из палаток. Никаких собак, которые отряхиваются от снега так, что звенят цепи упряжки. Лагерь и впрямь казался покинутым.

Кнут сделал несколько шагов. Ветер бил по щекам. Он подтянул молнию на комбине зоне до самого горла, одним махом надел на себя шапку и перчатки. Ему вдруг показалось, что с экспедицией могло что-то случиться. Чувство было настолько реальным, что он вздрогнул, когда к нему подошёл командир экипажа Тур Бергерюд. Через плечо у него висела винтовка.

– У нас не так много времени, – сказал он.

– Они должны быть где-то здесь. Они не могли бросить лагерь и всё снаряжение.

Кнут направился к конусообразной палатке. Тур Бергерюд последовал за ним. Они оглядывались на каждом шагу. Снег скрипел под ногами. Кнут подумал, что на самом деле по снегу можно вычислить степень холода. Он даже где-то читал, что у холода есть свой запах – он пахнет железом. Но здесь пахло только морем.

Двое мужчин перелезли через высокий торос, который они видели ещё с борта вертолёта, перекатились на другую сторону и приблизились вплотную к палатке. Пока никаких неожиданностей.

К верхушке штанги был прикреплён ободраный норвежский вымпел. Из палатки не доносилось ни звука. Неужели участники экспедиции проявили такое преступное легкомыслие – включили примус, чтобы согреться, и отравились угарным газом? Неужели они наткнулись на четыре замёрзших трупа, лежащих в полумраке в глубине палатки? Кнут задержал дыхание и дёрнул за верёвку, которая закрывала вход в палатку.

Все четыре участника экспедиции спали. Они лежали бок о бок, как анчоусы в консервной банке, ногами или головами в сторону выхода. Затхлый дух плоти и кислый запах дыма ударили Кнута в нос, когда он просунул голову внутрь.

Ещё какое-то мгновение ничего не происходило, а затем в спальных мешках началось медленное шевеление. Неопрятное бородатое лицо торчало из ближайшего спального мешка. Опухшие

глаза медленно моргнули и посмотрели на вход в палатку.

Внутри палатки было почти так же холодно, как снаружи. Слой плотной хлопчатобумажной ткани, обдуваемый ветром, придавал обстановке некоторый уют. Влажное дыхание людей оседало в виде инея на красной брезентовой ткани. Пространство было ограничено – возможно, два с половиной на два с половиной метра. Пол покрыт плотным зелёным пластиком, который лежал прямо на льду без какой-либо изоляции. Палатка крепилась на основную штангу и четыре штанги по углам. На потолке между штангами натянули сеть, и на ней сохли варежки. На полу лежали рюкзаки и одежда. Посреди спальных мешков стояла низкая алюминиевая подставка с примусом.

Кнут продвинулся дальше, сбросил с себя ботинки. Нога его запуталась в ткани палатки, он немного замешкался. В конце концов ему удалось полностью войти внутрь. Ближайший из мужчин подтянул под себя ноги.

– Я от губернатора, – сказал он и почувствовал себя немного неловко.

Наверняка этого можно было и не говорить. Ведь всем было ясно, кто он и откуда.

Один из участников экспедиции сел и прислонился спиной к задней стене палатки, он заморгал от яркого света – глаза у него были сонные. Кнут узнал Мадса Фрииса. Из другого спального меш-

ка выплыло знакомое лицо – это был начальник экспедиции Карстен Хауге собственной персоной. Взъерошенная светлая шевелюра и борода, узкое лицо. Усмешка, которая так эффектно выглядела на фотографиях. Он поднял руки в воздухе и зевнул, извлёк откуда-то свитер грубой вязки, который надел через голову.

– Ничего себе ночка выдалась, – сказал он. – Может быть, потому мы и не услышали шум вертолёта?

Он извинился, что они оказались не готовы к визиту.

Узнать полярников можно было с большим трудом. За тот короткий промежуток времени, который миновал с тех пор, как они покинули Шпицберген, их внешний вид сильно изменился – мороз и дым обветрили их лица, глаза опухли и покраснели. Все они выглядели немного растерянными. Неужели они забыли, что они встречались с Кнутом раньше – и не раз?

Кнут старался занять как можно меньше места и ступать очень осторожно, но всё-таки задел одного из тех, кто лежал в спальном мешке. Терье Кремер, самый юный из участников экспедиции, подскочил. Он немного отпрянул назад и выглядел раздражённым. Кнут пробормотал извинения. Палатка казалась очень тесной – прямо-таки до ощущения клаустрофобии, здесь было наполовину темно и довольно холодно. Когда Карстен Хауге включил при-

мус, стало немного лучше. Лица участников экспедиции потеплели, на них появились улыбки.

Четвёртый участник экспедиции ещё не выполз из спального мешка. Наверняка это был Свейн Ларсен, каюр. Он лежал в палатке позади Мадса Фрииса, положив руку под голову. Его глаза были открыты, но улыбка казалась неестественной. Он почти не реагировал ни на беседу, ни на что другое. Кнут вопросительно взглянул на Карстена Хауге, и тот попытался объяснить:

– Думаю, у него ничего страшного нет, просто простуда. Я дал ему аспирин – некоторое время назад. Скорее всего, он просто переутомился.

Но Свейн Ларсен всё-таки выглядел больным, могло даже показаться, что он в обморочном состоянии. Кнут продвинулся в глубь палатки, стараясь не задеть примус. Он хотел сам проверить, как себя чувствует Свейн Ларсен.

Мадс Фриис неохотно подвинулся, и Кнут склонился над Свейном. Он расстегнул спальный мешок и откинул край, чтобы проверить – в каком состоянии находится пациент. Он не обнаружил ни единой травмы, никакого кровотечения. Кстати, Свейн Ларсен вообще не производил впечатление простуженного. Насколько Кнут мог судить, лихорадки у него не было. Напротив, скорее всего, он перегрелся – он лежал в спальном мешке, укутанный в шерстяные одежды. Единственное, на что он обратил внимание, так это на неприятный запах изо рта. Его тошнило? Его рвало?

– Может, он ударился головой? Может, у него сотрясение мозга? – допытывался он.

Три участника экспедиции ничего не ответили, они напряжённо молчали. В полумраке палатки светились и вспыхивали их глаза.

«Они чем-то напоминают трёх лисиц, которые прячутся в норе, – подумал Кнут. – Подозрительные, настороженные».

Он переполз через спальный мешок и направился к выходу из палатки.

– Может быть, нам стоило бы эвакуировать экспедицию? – спросил он.

Казалось, он хотел как-то определить круг своих задач.

– У нас в вертолёте есть носилки, и мы сможем перенести Свейна Ларсена в салон. Остальным придётся немного подождать. Но я обязан соблюдать некоторые формальности. Во-первых, мне нужно сделать несколько снимков. А во-вторых, я предлагаю вам выбрать и упаковать снаряжение, которое вы хотели бы взять с собой.

Он не стал объяснять им, что этим, так называемым формальностям будет дана жёсткая оценка в администрации губернатора – ведь экспедиция вела себя и действовала крайне безответственно.

Участники экспедиции переглянулись. У Кнута возникло ощущение, что они заранее отрепетировали свои ответы. Начальник экспедиции Карстен сказал за всех троих:

– Мы понимаем, что Свейн не сможет идти дальше. У нас есть и другие проблемы. Но мы не намерены прерывать экспедицию. Мы хотели бы продолжить наш путь на север.

Кнут вглядывался в упрямые лица, на которых не могли не сказаться тяготы последних недель – холод, напряжение, недомогания. Он попытался сохранить привычный спокойный тон.

– Свейн Ларсен слишком болен, чтобы продолжить путь. Его нужно как можно скорее доставить к врачу. Я возьму его с собой в Лонгиер. Но вам придётся рассказать мне всё – от начала и до конца. Что случилось с собаками? А белый медведь – он-то куда подевался?

Днем раньше, сразу же после того, как они свернули лагерь, упаковали всё снаряжение и отправились в очередной маршрут, одна из упряжек с собаками наткнулась на полынью и провалилась под тонкий лёд. У собак не было ни единого шанса. Они оказались в ледяных тисках океана. Пока они барахтались, пытаясь выбраться на лёд, в воду провалились сани. Свейн Ларсен, который вёл упряжку, прыгнул, даже не задумываясь о собственной безопасности. Все пытались помочь ему, и вместе им удалось наконец отстегнуть карабиновый крюк между собаками и упряжкой. Сани исчезли в водных глубинах и утянули с собой на дно изрядную долю продуктов питания и снаряжения.

Только благодаря немыслимым усилиям им удалось выволить собачью упряжку из ледяной морской воды. Они привязали собак вдоль цепи. Они яростно отряхивались и лаяли на цепь. В конце концов они, кажется, успокоились.

Свейн выглядел совершенно измождённым, он насквозь промок и продрог. Он так замёрз, что не мог даже говорить. Они развернули одну из палаток, сняли с него мокрую одежду и переодели его в сухое шерстяное бельё. Уложили его в спальный мешок и по очереди дежурили рядом с ним.

Они включили примус, решив накормить его горячим супом. Но и спустя несколько часов Свейн так и не оправился, и они поняли, что не смогут в этот день продолжить свой путь на север. Они смирились и развернули вторую палатку. Карстен отправился покормить собак. Именно тогда они и обнаружили, что с собаками что-то случилось. Одни стояли, их рвало прямо на снег, другие лежали на боку и даже не подняли голову, когда он тормозил их.

Конечно, ими овладело беспредельное отчаяние. Им почти не удалось продвинуться ни на метр – они застряли на предыдущей позиции. А если подсчитывать расстояние с учетом дрейфующих льдин, то на самом деле они переместились в обратном направлении.

Но горячий суп взбодрил их, они начали приходить в себя, и ситуация казалась им не столь безнадежной. Возможно, им ещё повезёт. Хотя нельзя

было сбрасывать со счетов и неудачи, и отступления. Хочешь не хочешь, а с некоторыми проблемами приходится считаться. Карстен рассматривал и просчитывал разные варианты. Они находились почти в трёхстах километрах от Северного полюса, и это в самом начале апреля. Это означало, что у них есть, по крайней мере, четырнадцать дней, чтобы достичь полюса в предусмотренное по контракту время, а оттуда их заберут на вертолёт.

С этими оптимистическими планами и прогнозами они заползали в спальные мешки, по двое мужчин в каждой палатке. Они должны были дежурить по очереди, всю ночь напролёт, на каждого приходилось по два часа. Нужно было следить за Свейном – чтобы он спал и не делал никаких резких движений и чтобы во сне он не опрокинул примус. Примус они не отключали, иначе замёрзли бы.

Терье выпало дежурить первым.

Карстен и Мадс улеглись спать, но уже через час проснулись от шума и винтовочных выстрелов. Из другой палатки Терье крикнул, что к нему и Свейну приближается белый медведь. Они поспешно натянули на себя кое-какую одежду и схватили винтовку – у них она была одна и стояла наготове у спального мешка Карстена. Снаружи было так темно, что разглядеть что-либо, кроме теней, не представлялось возможным. Обходя палатку, где спали Терье и Свейн, они обнаружили, что в нескольких местах она разодрана. Снова и снова они

ходили взад-вперёд вокруг лагеря. Карстен едва не застрелил Терье, когда тот чересчур поспешно и с шумом свалился с сугроба.

Ситуация осложнялась. Вокруг лагеря гуляет огромный белый медведь, который может ринуться в атаку в любой момент. Один из участников экспедиции заболел. Собаки находятся в жалком состоянии. Именно теперь было очень важно принять единственно правильное решение. Можно ли продолжить экспедицию? Смогут ли они достичь Северного полюса, несмотря на всё, что случилось – с тем снаряжением и провиантом, которые на данный момент находились в их распоряжении? Карстен гордился тем, что ни один из них не предложил прервать экспедицию. Они решили сообщить о своих проблемах губернатору. Но разве случилось что-то такое, что обязывало их обратиться за разрешением для продолжения экспедиции?

На самом деле ведь они не просили о помощи. Нет, конечно, они по-прежнему очень признательны – за то, что Свейн получил возможность попасть к врачу в Лонгиер. Ни в какой другой помощи они не нуждались.

Кнут покачал головой, ему не хватало детальной информации, чтобы принять решение. Из вертолёта он, конечно, не смог разглядеть белого медведя и его следы вокруг лагеря. А всё, что случилось с собаками, казалось попросту необъясни-

мым. Местные собаки, как правило, не погибают от того, что попадают в полынью, даже при температуре минус двадцать градусов.

– Вы что же, считаете, что можете вызывать службу губернатора как такси? – спросил он, надеясь спровоцировать своих собеседников выдать побольше информации. – А ведь это может оказаться довольно дорогостоящей акцией – запросить помощь в Северном Ледовитом океане без достаточных на то оснований.

Как и следовало ожидать, Карстен Хауге был раздражён:

– На нас напал белый медведь. Разве этого недостаточно, чтобы попросить о помощи?

– Свейн Ларсен не травмирован, во всяком случае на нём нет следов медвежьих когтей. Поверьте, это выглядело бы немного иначе. Едва ли он остался бы в живых, если бы на него, спящего, напал белый медведь.

Кнут старался говорить спокойно.

– А что случилось с собаками?

– Да ведь они соскользнули в полынью! Но по какой причине они заболели, мы не знаем. Мы можем только констатировать то, что произошло.

Карстен немного успокоился, но по-прежнему не мог скрыть раздражения:

– Ты что, не веришь нам?

– Покажи ему палатку, – сказал Терье Кремер.

Кнут не собирался дискутировать с ними.

Он пробормотал что-то о необходимости связаться с офисом в Лонгиере и выбрался из палатки. Снаружи он распрямился в полный рост и вдохнул несколько глотков чистого ледяного полярного воздуха.

А Тур Бергерюд дежурил в ожидании белого медведя снаружи палатки. Он замёрз и переминался с ноги на ногу, чтобы согреться. Рядом с вертолётom на льдине находились механик и штурман. За то короткое время, пока Кнут общался с участниками экспедиции в палатке, начало темнеть. Жёлтый дневной свет стремительно опускался в море у горизонта. Времени на решительные действия почти не оставалось.

– Ты сможешь вызвать радио Шпицбергена и попросить соединить тебя с администрацией губернатора? – спросил Кнут.

Тур Бергерюд выглядел озабоченным.

– У нас нет времени на всё это, – ответил он, кивая на палатку.

Он наверняка слышал всё, что было сказано.

– Им следует поторопиться, иначе нам придётся уехать без них.